

О Т З Ы В

официального оппонента Ю.Б. Орлицкого
на диссертацию Софьи Михайловны Михальковой «Поэтика Андрея Вознесенского: визуализация, архитектоника текста, авангардная традиция» (Иваново, 2017), представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Диссертационное исследование, представленное к защите Софьей Михайловной Михальковой, вне всякого сомнения, обладает всеми качествами, необходимыми для работ этого рода. Основные требования, традиционно предъявляемые к диссертациям: актуальность и новизна – в рецензируемом сочинении выполнены точно. Главный герой повествования русский поэт Андрей Вознесенский – популярнейший герой (а чаще – антигерой) отечественной литературной критики 1960–1980-х – едва ли не впервые становится объектом научного филологического рассмотрения.

Главная привлекательная черта рецензируемого диссертационного сочинения – четкость композиционного решения, логичность построения текста. В этом убеждает уже оглавление работы, напоминающее ту самую архитектурную конструкцию, которую уважаемый диссертант постоянно старается отыскать в творениях своего героя.

Сразу скажу: по моему мнению, Вознесенский это заслужил, что бы ни говорили его критики из разных лагерей и поколенческих групп. Это действительно один из самых выдающихся поэтов своего времени, при этом именно поэт, а не «представитель» того или иного течения или направления, каковым его долгое время настойчиво и безуспешно пытались представить многие критики, причем в равной степени и враги, и друзья. А Вознесенский постоянно и успешно ускользал из сетей всех возможных разрядок и классификаций.

Госпожа Михалькова словно бы сознательно учитывает это, выбирая метод своего интересного исследования: она поочередно вписывает творчество своего героя в контексты изобразительного искусства и поэзии, сопоставляя его манеру со стилем тех художников и поэтов, к именам которых он постоянно апеллирует в своих стихах и эссе.

Однако утверждать, будто бы молодой исследователь проверяет достоверность этих сравнений, нельзя: в ее повествовании эмоциональное и вкусовое, ярко субъективное звучит не менее убедительно, чем сугубо филологические и культурологические выкладки, выстроенные, кстати сказать, достаточно грамотно и позволяющие судить о широком круге чтения и глубоком овладении научной литературой по теме работы.

Иногда это уводит диссертанта достаточно далеко от непосредственной темы исследования, и главный герой надолго пропадает с его страниц. Но такой «замах» необходим для решительного удара, который Софья Михайловна в конце концов непременно наносит, умело и подчас очень неожиданно помещая Вознесенского в выбранный ею контекст – тут важно то, что этот контекст интересен самому исследователю и хорошо ему знаком, и за это можно простить некоторые частные натяжки и нестыковки, без которых работа такого уровня по определению невозможна.

Лично мне, например, представляется не вполне убедительным модное нынче расширение понятия «визуальность», особенно применительно к поэзии, в

том числе и Вознесенского. Я бы не стал так свято верить, что несколько лет учебы в архитектурном, о которой поэт так настойчиво (если не назойливо) повторяет, настолько сильно изменили его поэтическую манеру, что он окончательно превратился из сочинителя стихов в зодчего, балующегося поэзией и в силу этого строящего свои стихи и сверхтекстовые единства по строгим лекалам соседней профессии. А вот Софье Михайловне очень хочется в это верить, и она постоянно списывает по ведомству архитектуры очень многие вполне нейтральные вещи: например, те же названия «Мозаика» и «Парабола». Однако не зная мы, где учился Андрей Андреевич, нам бы и в голову не пришло, что это – архитектурные термины. И так во многом.

Но повторяюсь: это не дефект работы, а ее особенность, во многом и делающая ее – очень важная черта для любой диссертации – вполне увлекательным чтением. Все-таки не так много времени прошло с ухода поэта от нас, не остыл еще след, трудно не только быть, но и стараться выглядеть объективным.

При этом абсолютно несомненным выглядит одно из основных положений работы о принадлежности творчества Вознесенского к поэтике авангарда и все логично вытекающие из этого последствия – в том числе и особый интерес к визуальности как одному из инструментов его арсенала. В этом смысле представляется вполне убедительным анализ собственно визуальных произведений Вознесенского: его «изопов» и других инсталляций, которые Софья Михайловна совершенно справедливо рассматривает не просто как вполне серьезную часть наследия поэта (а не как своего рода баловство, чем грешат и многие симпатизирующие ему критики), но, более того, как форму демонстрации наиболее существенных эстетических представлений Вознесенского, непосредственно вырастающую из его традиционных стихотворений.

К сожалению, в этом случае автор диссертации совершенно не учитывает современный поэту контекст: в работе упомянуты только отдаленные во времени предшественники Аполлинер и Малларме и современник Боб Раушенберг, а те, с кем Вознесенский творил бок о бок, ни разу не названы. К сожалению, именно этого, скорее всего, произвольно хотел сам поэт, но от исследователя мы вправе ждать большей объективности!

В связи с этим можно высказать серьезное сомнение в справедливости пренебрежительного отношения к тому, что диссертант называет «неформальной литературой», утверждая, что для творчества Вознесенского это «еще менее информативный контекст», чем «эстрадная поэзия». Я бы поспорил и со вторым, но первое важнее: похоже, что ни недифференцированных суммарных «лианозовцев», ни представителей ленинградского литературного авангарда диссертант как следует не знает, иначе бы не игнорировал того факта, что очень многое из своих «открытий» Вознесенский заимствовал у своих «соседей», творчество которых он прекрасно знал. Это ни в коей мере не упрек поэту: творческий процесс всегда двигался за счет влияний, заимствований, да и просто плагиата у менее известных авторов, но ведь для того и существуют исследователи, чтобы не верить свято в утверждения типа «Я учился только у Микеланджело», а выявлять РЕАЛЬНУЮ генеалогию тех или иных новаций – в случае Вознесенского это особенно важно.

Кстати, одна из причин соответственно неприязненного отношения к Вознесенскому и другим «эстрадникам» со стороны представителей неподцензурной литературы – как раз в том, что «подцензурные» поэты, выкупив

себе написанием откровенно конформистских текстов право публиковать кое-что из не поощряемого официальной идеологической критикой, тем самым претендовали на место новаторов, по сути дела, «открывая» уже давно открытое.

К Вознесенскому это относится меньше, чем к другим, но не учитывать объективную картину времени, его реальный контекст – все-таки недопустимо. Еще и потому, что в результате объективно закрепляется все тот же советский миф о гениях, героически противостоящих официозу, частью которого на самом деле они реально были.

Аналогичным образом, тоже опираясь, как я уже говорил, в первую очередь на заявления самого поэта, выстраивает диссертант и линии традиции, изобразительную и поэтическую.

Сопоставления манеры Вознесенского и творчества Шагала, Кандинского и Раушенберга, с одной стороны, и Пастернака, Маяковского, Хлебникова и Мандельштама – с другой, проведены в работе ярко и убедительно, к этим главам сочинения практически нет претензий – за исключением некоторых частных, на которые я указал на полях рукописи. Единственное серьезное замечание – опять-таки – отсутствие указаний на взаимодействие поэта с современниками и ровесниками, которое, как известно, было очень активным и взаимообогащающим.

Наконец, последняя, наиболее академическая часть работы, связанная с «книгостроительством» поэта в его книге «Витражных дел мастер», тоже логично распадается на три части, посвященные строению книги как целого, наиболее важному, как представляется диссертанту, «сколу», представляющему книгу в целом, и важнейшим мотивам и принципам ее организации. Как справедливо полагает Софья Михайловна, в «Мастере» Вознесенский демонстрирует все накопленные приемы и достижения, делающие его одним из наиболее интересных поэтов своего поколения.

Особого внимания заслуживает презентация эклектики как своеобразной формы синтеза в творчестве Вознесенского, рассмотренной подробно и убедительно.

Теперь несколько слов о стиле изложения работы: написана диссертация в целом очень грамотно и читается необычайно интересно; в этом смысле «лишние» для развития темы и основного сюжета отступления играют примерно ту же орнаментальную роль, что и «лирические отступления» в поэзии Андрея Вознесенского: они вроде и не нужны, а без них чего-то явно не хватает!

Разумеется, конкретные замечания и пожелания, которыми я позволил себе украсить поля рецензируемой работы, ничуть не умаляют ее серьезного значения и не бросают тень на ее подлинно новаторский – вполне в духе главного героя исследования – характер, на несомненную научную состоятельность представленного к защите сочинения. Солидно выглядит и автореферат диссертации, и список опубликованных по ее теме работ.

Таким образом, диссертация Софьи Михайловны Михальковой «Поэтика Андрея Вознесенского: визуализация, архитектоника текста, авангардная традиция» представляет собой законченное самостоятельное исследование, основные положения и результаты которого имеют значение для изучения русской поэзии второй половины XX века в целом и для описания идиостиля одного из ее лучших представителей – в частности. Именно в этом заключается и практическое значение диссертации, основные идеи и конкретные наблюдения из которой могут

оказаться полезными в преподавании литературы означенного периода как в вузе, так и в школе.

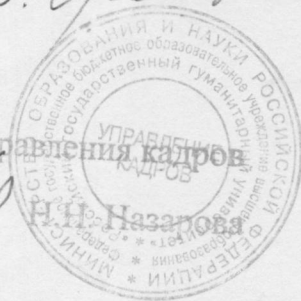
Работа имеет серьезную теоретическую и методологическую базу, показывает основательное знакомство диссертанта с литературой по теме работы, умение анализировать поэтический текст, критическую и научную литературу; оформление в целом отвечает предъявленным требованиям. Автореферат соответствует основному содержанию, магистральным идеям и выводам диссертации. Основные результаты исследования были опубликованы соискателем в научных изданиях, в том числе в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ, прошли апробацию на научных конференциях.

Диссертационное исследование полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» (утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения
ИФИ Российского государственного гуманитарного университета
Ю.Б. Орлицкий

Подпись Ю.Б. Орлицкого

Начальник Управления кадров

Н.Н. Назарова

Проректор по научной работе

О.В. Павленко

Подпись О.В. Павленко

Начальник Управления кадров

Н.Н. Назарова

Москва, Самаркандский б-р, кв-л 137а, корпус 4, кв. 104.

Тел.: 8-495-2506987, 8-495-9734202 Электронная почта: ju_b_orlitski@mail.ru